

Феноменологический и герменевтический подходы в качественных психологических исследованиях*

Н. П. Бусыгина

доцент факультета психологического консультирования
Московского городского психолого-педагогического университета

Статья представляет собой критический анализ методологических следствий идей феноменологии и философской герменевтики для области психологических исследований. Автор рассматривает философские основания феноменологического и герменевтического подходов как качественных исследовательских стратегий и показывает, как особенности философских мировоззрений воплощаются в процедурах анализа данных и принципах оценки качества исследования.

Ключевые слова: качественные исследования, феноменологический подход, герменевтический подход, описание, интерпретация, интуитивная феноменология, эмпатическая феноменология.

За последние 20–30 лет в психологии на волне критики «естественнонаучного разума» все большую популярность стали приобретать качественные исследования, представляемые их сторонниками как реформаторское движение и альтернатива традиционным позитивистским исследованиям.

Обычно *качественные* исследования определяют через противопоставление их *количественным* исследованиям. Причем дихотомия качественного/количественного может иметь как методический (в соответствии с используемыми в исследованиях методами), так и методологический смысл. В последнем случае качественные и количественные исследования понимаются как своеобразные исследовательские традиции, «мировоззрения» или даже «культуры», которые основаны на различных допущениях о природе объекта исследования, отношениях между исследователем и исследуемым и о характере исследования, и именно специфика этих допущений и определяет, что в качественных исследованиях предпочтение отдается качественным, а в количественных — количественным методам, хотя возможны и варианты их различных соединений.

В отличие от ориентированных на естественнонаучное познание и идею «единой науки» количественных исследований, качественные исследования в целом базируются на философской традиции обоснования специфики гуманитарных наук [1; 2]. Если позитивистская количественная методология принимает позицию эмпирического реализма, т. е. допускает возможность *непосредственных* отношений между миром и познанием, то качественные исследования *интерпретативны* (если понимать интерпретацию в широком смысле, о чем будет сказано ниже), иными словами, в них отрицается возможность постижения

объектов, событий и действий вне практик репрезентации. Можно сказать, что этот пункт принимают все качественные подходы: на наш взгляд, даже наиболее фундаменталистское классическое феноменологическое исследование, в ряде вопросов оппонирующее собственно интерпретативным герменевтическим и дискурсивным (социоконструкционистским) подходам, сегодня не может мыслиться вне рефлексии над языковой опосредованностью переживания и его описания.

Традиционные критерии оценки эмпирической работы, принятые в количественных исследованиях, — валидность, надежность, репрезентативность, — оказываются не совсем подходящими для оценки «качества» качественных исследований, по крайней мере они нуждаются в переосмыслении. Будучи интерпретативным предприятием, качественные исследования не претендуют на то, чтобы нивелировать зазор между объектами и их репрезентациями, — вместо этого качественная исследовательская методология работает «с» этим зазором и «внутри» него. Однако формы такой работы, как и способы контроля ее качества, значительно отличаются в зависимости от концептуального подхода, на который ориентировано исследование, что мы и постараемся показать далее на примере феноменологического и герменевтического подходов.

Качественные исследования — это в целом гуманистическая и критическая исследовательская практика, сторонники которой культивируют особый *этнос*. Если количественные исследования базируются на идеях контроля над объективными процессами, повторяемости и предсказания, т. е. на этосе манипуляции и инструментальности, то для качественных исследований важна сама практика понимания, ос-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 07-06-0045-а.

нованная на идеях взаимности, диалога и соавторства. Кроме того, история развития качественных исследований в психологии связана с эмансипаторным интересом: качественные исследования нередко направлены на поддержку социальных изменений.

Наконец, качественные исследования отличаются своеобразием самого исследовательского процесса. По сравнению с количественными (как правило, гипотетико-дедуктивными) исследованиями, качественным исследованиям свойственны гораздо более открытый характер и индуктивная логика исследования, что выражается в особенностях определения рабочих понятий, характере и стратегиях формирования выборки (как правило, *целевой*, а не *случайной* (см., к примеру, [8]), формулировании гипотез (в качественных исследованиях они зачастую носят характер лишь очень общей направленности исследовательского поиска либо не формулируются вообще) и т. п. В качественных исследованиях нет такого четкого разграничения этапов исследования, как это принято в количественных исследованиях; напротив, для них характерна «связанность» друг с другом этапов исследования и циклический характер анализа, когда исследователь одновременно собирает данные и анализирует их, чтобы вновь обращаться к данным и т. д., пока не наступит так называемая *точка насыщения* — относительная полнота и исчерпанность индуктивно выводимых описаний и теорий [5; 8].

Дав общую характеристику качественных исследований как некоего «единства в многообразии», мы тем самым присоединились к весьма характерной для методологии качественных исследований традиции рассматривать данный тип исследовательской практики обобщенно — с точки зрения некоторого «семейного сходства», т. е. общих черт, которые несут в себе различные качественные подходы. В целом обобщенный взгляд на качественные исследования важен потому, что он дает возможность наиболее явственно определить методологическую перспективу, альтернативную традиционному для эмпирической психологии позитивизму. Кроме того, обобщенный взгляд на качественные исследования как некое целое позволяет подчеркнуть гибкость используемых в них технических процедур (к примеру, способов анализа и интерпретации полученных текстовых данных), тем самым содействуя преодолению довольно прочно укоренившегося в психологии (благодаря все тому же позитивизму) методического редукционизма (позиции «метод ради метода») и фокусируя внимание исследователя на необходимости подчинения метода исследовательскому вопросу.

Вместе с тем обобщенный взгляд на качественные исследования подчас становится причиной «методической невнятности», за которую нередко критикуют их сторонников. Вряд ли можно отрицать, что качество любого исследования во многом зависит от того, насколько систематично и последовательно реализуется избранный методологический подход. Качественные исследования могут выпол-

няться с опорой на весьма отличные друг от друга концептуальные подходы к пониманию того, каким должно быть исследование. Одно из наиболее значимых отличий подходов задается отношением к интерпретации. Мы позволили себе сделать акцент на *интерпретативной* природе качественных исследований, однако это утверждение требует серьезного пояснения, поскольку существуют такие подходы в качественных исследованиях (прежде всего речь идет о *феноменологическом* подходе), которые позиционируются их сторонниками как описательные и тем самым противопоставляются подходам, основанным собственно на интерпретации. В настоящей статье мы предлагаем дать сравнение *феноменологического* подхода с интерпретативными подходами (главным образом *герменевтическим* подходом или, по-другому, подходом *герменевтической феноменологии*). Мы намереваемся показать, что при указанном выше «фамильном» сходстве данные подходы имеют, тем не менее, отличные друг от друга философские основания, несколько по-разному отвечают на вопрос о природе изучаемого объекта и формах его познания, чем и обусловлены, в конечном счете, различия в применяемых в рамках данных подходов техниках анализа и способах контроля качества исследования. На наш взгляд, действительно есть смысл в том, чтобы разделять описание и собственно *интерпретацию*, однако это разделение носит лишь процедурно-методический характер. Необходимо различать интерпретацию в узком смысле (как конкретный метод, отличный от метода описания) и интерпретацию в широком смысле (как общий философско-методологический принцип познания).

Следует заметить, что, рефлексировав над разделением подходов внутри качественной исследовательской методологии, мы отнюдь не солидаризируемся с позицией методического редукционизма. Можно согласиться с такими авторами, как И. Холлоуэй и Л. Годрес [17], что необходима позиция, уделяющая достаточное внимание как свойственной качественным исследованиям методической гибкости, так и последовательности и связности методологического подхода, при которой методические процедуры когерентны философским основаниям подхода. Поэтому, описав различия в исследовательских стилях феноменологического и герменевтического подходов, мы попытаемся показать также и те моменты в исследовательских процедурах, которые вполне можно гибко сочетать друг с другом, например, в качестве различных модусов понимания (как, впрочем, покажем и те особенности подходов, которые, по нашему мнению, сочетать нельзя).

Феноменологический подход. Феноменологический подход в качественных исследованиях базируется на философских идеях Э. Гуссерля. Напомним, что Гуссерль предложил способ достоверного познания психического в его собственных координатах — науку о «чисто психическом как таковом» [4, с. 300]. Собственно, этот интерес к «чисто психическому»

вместе с методологическими ориентирами его достоверного познания и стал отправным пунктом продуцирования идей Гуссерля в плоскости разработки феноменологического подхода как качественной исследовательской методологии стратегии [9; 10]. В области качественных исследований под феноменологией стали понимать «изучение структуры (и ее вариаций) сознания, которому явлены любая вещь, событие или человек» (А. Джорджи, цит. по: [5, с. 59]). Феноменология концентрируется на описании проживаемого опыта, описании таких феноменов, как опыт «обучения игре в шахматы», опыт «становления матерью», чувство, что «тебя понимают», и т. п. Заметим, что для сторонников феноменологического подхода очень важно выявить *сущностную структуру* переживания или опыта, т. е. артикулировать те инвариантные темы, которые появляются в переживании от ситуации к ситуации и от одной личности к другой.

Для исследования психического в его собственной сущности Гуссерль предложил *феноменологический метод* — своеобразный тип опыта, ядро которого составляет так называемая *феноменологическая редукция*, т. е. попытки «вынести за скобки» (другая используемая метафора — «заклечь в скобки») все, что несет с собой естественная установка — любые обыденные и научные знания о феномене, — для того чтобы успешно войти в контакт с сущностями. Исследователь, практикующий феноменологическую редукцию, временно отказывается от любых суждений относительно опыта (Гуссерль использовал греческое слово эпохе, означающее воздержание от предпосылаемых мнений), «выносит за скобки» свои предварительные представления о феноменах, чтобы достичь их ясного видения.

В отличие от философских исследований Гуссерля, основанных на данных рефлексивного опыта, в области качественных феноменологических исследований в основном используют данные, полученные от других людей (как правило, в процессе интервью). Соответственно, в качественных исследованиях феноменологического типа говорят о двух видах «вынесения за скобки». Во-первых, исследователь «выносит за скобки» собственные предсуждения, чтобы никакие его личные смыслы, интерпретации и теоретические концепты не проникали в уникальный мир респондента. И, во-вторых, самих участников исследования просят поделиться своими переживаниями наиболее непосредственным образом, отложив в сторону («вынеся за скобки») выученные знания и схемы, описать свой живой опыт языком, свободным, насколько это возможно, от интеллектуалистских конструктов [14; 20; 21; 24].

Когда сторонники феноменологического подхода настаивают на *описательном* характере их исследований, они имеют в виду, что исследователь-феноменолог работает лишь на уровне *очевидных* смыслов, на уровне *самопонимания* исследуемых и вычитывает из текста лишь то, что сказано прямо. Как видим, описательный характер феноменологического ис-

следования непосредственно вытекает из эпистемологических представлений феноменологии о возможности и необходимости достижения состояния относительно «чистого» сознания, не замутненного набором предпосылаемых опыту суждений. Процедура это достигается не только за счет рефлексивных действий исследователя, но и благодаря применению особых способов анализа данных.

Наиболее часто в феноменологических исследованиях используется техника последовательной *конденсации* смысла (описание варианта данной техники см., к примеру, в: [5, с. 192–194]), для осуществления которой нередко привлекаются эксперты. В описании конденсированного смысла исследователь включает только те мнения экспертов, которые получили интересубъективное согласие. Само описание в целях валидации может быть предложено респондентам, которые подтверждают его верность либо вносят в него поправки. После конденсации смыслов каждого значимого утверждения эти смыслы собираются в более крупные тематические кластеры, и здесь также можно привлекать экспертов. Собранные кластеры снова даются отдельным респондентам для валидации и т. д. В конечном счете мы получаем описание структуры интересующего нас переживания. Как можно видеть, феноменологическая методология анализа данных представляет собой движение к смыслу через структурированный процесс, предполагающий постоянную опору на данные. Цель анализа — интегрированное описание переживания, не зависящее от теоретической, политической или какой-либо иной позиции исследователя.

Впрочем, нужно оговориться, что сегодня практикуются два типа феноменологических исследований — *классическая*, или *интуитивная* (*classical or intuiting*) феноменология и *новая*, или *эмпатическая* (*new or empathetic*) феноменология [15; 27]. До сих пор речь шла преимущественно о первом типе — классической феноменологии; именно ее цель — раскрыть инвариантную структуру того или иного переживания, иными словами, ответить на вопрос, что собой представляет тот или иной феномен («чувство, что тебя понимают», эстетическое переживание, опыт насилия или что-либо еще). Новая эмпатическая феноменология пытается ответить на другой вопрос, а именно: как те или иные люди переживают определенный опыт (понимания, восприятия прекрасного, насилия и т. п.). Если классическая феноменология, обращаясь к субъективному опыту, пытается через него найти путь к пониманию, что собой представляет тот или иной феномен, какова его сущность, то эмпатическая феноменология открыто и рефлексивно обращается к субъективным смыслам и значениям, которые вкладывают в свое переживание сами переживающие: что означает ухаживать за умирающими для самих медицинских сестер хосписа? что значит жить с больным сердцем для самих больных? и т. п. В социальном смысле подобные исследования имеют огромное значение, поскольку они демонстрируют разнообразие жизненных миров людей

и позволяют «схватывать» опыт тех, чей взгляд в силу тех или иных социальных причин отличается от взгляда представителей доминирующих в данной области групп. Эмпатическая феноменология, как можно видеть, исходит из идеи социальной неоднородности человеческого сознания и сама вносит свой вклад в развитие подобных представлений. Тем самым эмпатическая феноменология близко примыкает к критическому модусу качественных исследований, хотя при этом и не использует свойственные самим критическим исследованиям «вскрывающие» интерпретативные техники. Наконец, следует сказать, что в отличие от интуитивной феноменологии, базирующейся на философских идеях Э. Гуссерля, эмпатическая феноменология много берет из герменевтической традиции, соответственно на шкале, полюсами которой являются описание, с одной стороны, и интерпретация, с другой, она окажется хотя и на полюсе описания, но будет несколько сдвинута в сторону интерпретации.

Интерпретативные подходы: традиционная и «глубинная» герменевтика. Данное направление качественных исследований основано на идеях философской герменевтики (В. Дильтей, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер и др.) Как и феноменология, герменевтика заинтересована в раскрытии смыслов. Однако «схватывание» смыслов в герменевтике имеет иную природу: понимание смысла здесь никогда не является простым воспроизведением понимаемого в его изначальной самобытности, но всегда совершается в процессе толкования [3].

Одной из самых важных идей философской герменевтики является идея *герменевтического круга* как неотъемлемого условия понимания. В контексте работ М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера герменевтический круг нужно понимать не только в методологическом (как непрерывное движение познания между целым и частями текста), но и в онтологическом смысле. Как пишет М. Хайдеггер, «всякое толкование, призванное доставить понятность, должно уже иметь толкуемое понятие» [11, § 32, с. 152]. Иными словами, понимание смысла всегда предполагает жизненное отношение интерпретатора к тексту, его предварительную связь с тем, что сообщается в тексте. Эту герменевтическую предпосылку называют пред-пониманием, поскольку она не достигается в процессе понимания, но предполагается уже заранее данной. Мы входим в исследование с собственными пред-мнениями и пред-суждениями. И самоуничтожение исследователя (в смысле полного очищения его сознания от любых форм пред-суждений) не только недостижимо, но и повлекло бы за собой устранение самой возможности понимания. Другое дело, что в процессе понимания исследователь всегда должен быть готов поставить собственные пред-суждения под вопрос, принимая во внимание то, что говорит другой человек (или текст).

Основываясь на этой философской платформе, герменевтический подход как качественная исследо-

вательская методология прямо позиционируется его сторонниками как *интерпретативное* предприятие: смыслы всегда рождаются в процессе взаимодействия читателя и текста, и как бы ни был исследователь близок к тексту, обращающемуся к нему в своей «истине», процесс понимания всегда будет напоминать перевод с одного языка на другой, что неизбежно включает в себя переосвещение смысла, осознание интерпретатором своей отделенности от текста и поиск компромисса.

Как и в случае феноменологии, сторонники герменевтического подхода огромное значение придают рефлексии исследователя. Однако в соответствии с общей герменевтической позицией пред-суждения исследователя не откладываются в сторону, но полагаются существенной частью интерпретативного процесса, а потому «вводятся в игру» и «ставятся на карту» — так, что их всегда можно изменить в свете данных опыта. Исследователь пытается, по возможности, эксплицировать свою позицию и отследить, как она связана с изучаемой проблемой. И потому конечный отчет в интерпретативных исследованиях, как правило, включает в себя описание личной позиции исследователя и философско-теоретических оснований, в рамках которых проводилось исследование [12].

Методология герменевтического анализа данных гораздо менее определенная, чем в случае феноменологических исследований. Т. Кох, например, пишет, что «герменевтика приглашает участников в постоянно свершающийся разговор, но не дает окончательной методологии. Понимание достигается благодаря слиянию горизонтов, которое есть не что иное как диалектическое движение между пред-пониманием исследовательского процесса, интерпретативным каркасом и источниками информации» [18, р. 835]. Д. Аллен [12] тоже подчеркивает, что не может быть конечного набора процедур, структурирующих интерпретативный процесс, поскольку интерпретация рождается из пред-понимания и диалектического движения между целым и частями текста. Интерпретативный процесс продолжается до тех пор, пока не будет достигнут осязаемый смысл интерпретируемого, отвечающий на исследовательским вопрос, согласующийся с теоретической и ценностной позицией исследователя и, безусловно, подтверждаемый данными. Каким образом возникла именно эта интерпретация — ключевой вопрос, ответ на который интерпретатор должен представить читателю, чтобы последний мог оценить достоинства и недостатки интерпретации [20].

Еще раз подчеркнем, что в отличие от *описательного* феноменологического исследования, фокусирующегося на очевидных смыслах сказанного или написанного, в *интерпретативном* герменевтическом исследовании текст помещается в более широкий контекст (в том числе теоретический), благодаря чему высвечиваются такие его смыслы, которые не даны в тексте с очевидностью. И если феноменологическое исследование тяготеет к однозначности опи-

сания, то герменевтический подход предполагает гораздо большую свободу интерпретации. Однако теперь мы должны заметить, что как бы мы ни старались в случае феноменологической конденсации смысла работать лишь на уровне очевидных значений языковых выражений, получаемые нами смысловые единицы тоже будут результатом интерпретации, предполагающей «переосвещение» изначально сказанного и его перевод с одного языка на другой. Вообще провести границу между описанием и интерпретацией невозможно: с философской точки зрения, любое повторение сказанного — уже интерпретация, при которой сказанное попадает в новый контекст и обретает иной голос с присущими лишь ему интонационными оттенками (в этом смысле вполне оправдано название всех качественных исследований, включая описательные феноменологические, интерпретативными, как мы это делали в начале данной статьи). Вместе с тем, несмотря на философскую неопределенность границы между сообщением прямо сказанного в тексте и собственно интерпретацией, на практике мы действительно способны отличать одно от другого: в одном случае мы вычленим в тексте структуры и отношения, которые можно увидеть сразу, так сказать, «с первого взгляда», во втором случае мы как будто дистанцируемся от текста и, занимая определенную теоретическую позицию (например, позицию, предлагаемую одной из «глубинных герменевтик» — психоанализом, аналитической психологией, экзистенциальным психоанализом), восстанавливаем концептуальный контекст сказанного.

Это различие описательной и герменевтической (интерпретативной) феноменологии можно проиллюстрировать двумя конкретными исследованиями, выполненными, казалось бы, в очень сходной методической манере. Одна из них, работа Ч. А. Уинтерс, посвящена особенностям жизненного мира пациентов, страдающих хроническим заболеванием сердца [28], другая же, работа Г. Шёфер, представляет собой исследование женского опыта романтической любви [25]. Оба исследования построены на основе метода интервью с последующим применением тематического анализа полученных данных. Однако в первом — собственно феноменологическом — исследовании автор описывает наиболее значимые темы (переживания неопределенности, изменения и некоторые другие) так, как их понимают сами респонденты, она лишь обобщает прямо транслируемые ими смыслы. Во втором исследовании описание тем (центральных тенденций) и их вариаций (например, темы амбивалентности любви) сопровождается достаточно подробным определением перспективы видения, которой придерживается исследователь, и обсуждением этих тем в определенном теоретическом и ценностном (в данном случае феминистском) контексте. Как интерпретативное построение, текст Г. Шёфер открывает такие смыслы женского переживания романтической любви, которые непосредственно нельзя обнаружить в словах респондентов, но с которыми

вовне можно согласиться, заняв предлагаемую автором позицию.

Характеристика интерпретативных подходов останется неполной, если мы не коснемся идеи «*глубинной герменевтики*» и не покажем ее отличия от *классической герменевтики*. Как можно видеть из нашего предыдущего изложения, классическая герменевтика, раскрывая условия понимания, исходит из предположения, что нечто (текст) обращается к нам в *своей истине*. В герменевтике понять текст — значит усилить сказанное им, фокусируясь на заключенных в нем смыслах. Герменевтика предполагает наличие смысловых пробелов в тексте, которые она пытается понять посредством реконструкционной гипотезы о смысле целого. Как уже говорилось, герменевтическая интерпретация сродни переводу с одного языка на другой, когда переводчику приходится предпринимать усилие выражения сказанного в тексте на своем языке. Интерпретатор, как и переводчик, оказывается причастен смыслу сказанного. Одни и те же выражения в зависимости от контекста приобретают разное значение, и интерпретатор собирает из этих выражений связное символическое целое. Традиционная герменевтика, если можно так выразиться, работает «по горизонтали»: она пытается реконструировать связность сообщаемого, не подражая выхода в «вертикаль» — дискурс бессознательного.

Однако в психологии зарекомендовала себя и иная традиция интерпретации, инициированная психоанализом. Традиция эта базируется на идее, что в тексте всегда есть такие смысловые разрывы, которые недоступны основанному на языковом пред-понимании традиционному герменевтическому прочтению: разрывы смысла обусловлены бессознательной работой шифровки, так что смысл сказанного оказывается скрыт не только от того, кто слушает, но и от того, кто говорит. Можно по-разному понимать природу бессознательного. Например, можно, ориентируясь на критическое понимание с позиций здравого смысла, полагать, что смысловые искажения обусловлены бессознательными стратегиями самообмана, и соответственно прочитывать сообщения в контексте достаточно широкого повседневного знания человеческой психологии. Можно ориентироваться и на определенные теоретические традиции психологии — психоанализ, экзистенциальную психологию, когнитивные теории и т. д., — и интерпретировать смысловые разрывы в свете тех или иных теоретических представлений о природе и содержаниях бессознательного. Но в любом случае мы будем полагать, что в сообщении есть нечто такое, что «прячется», скрывается за обычными символическими значениями, одновременно открываясь в них. Усмотреть это «нечто» и уже с его учетом реконструировать символический смысл сообщаемого — задача интерпретатора. В философском смысле такое обращение к «вертикали», предполагающее учет бессознательного и постижение происходящего из того, что сокрыто, нередко относят к «глубинной герме-

невтике». Можно сказать, что именно идея «глубинно-герменевтического» метода является одним из важнейших философских оснований психологических интерпретаций (ср. размышления о психоанализе как «глубинной герменевтике» [6; 7]).

Феноменологический и интерпретативный модусы понимания. В одной из работ С. Квале [19] говорит о двух модусах понимания — феноменологическом и герменевтическом — не в смысле целостных методологических подходов, как мы это делали до сих пор, а в смысле локальных установок исследователя, которые последний может сочетать в рамках одного исследования. Феноменологический модус понимания заключается в том, что исследователь пытается «ухватить» смыслы на уровне самопонимания исследуемого. В герменевтическом модусе исследователь не останавливается на том, как сам респондент понимает смысл своего высказывания, но предполагает, что высказывание всегда говорит нечто большее, чем подразумевает говорящий. В герменевтическом модусе понимания высказывание обогащается смыслами, привносимыми в него интерпретатором.

В целом принимая идею Квале о двух разных модусах понимания как локальных установках исследователя, мы бы предложили говорить о феноменологическом и интерпретативном модусах, последний, в свою очередь, подразделяется на собственно герменевтический и глубинно-герменевтический варианты. В своих представлениях об исследовательском интервью Квале [5] в основном следует феноменологической исследовательской традиции (хотя при этом он и выделяет такой тип прочтения, как *симптоматическая интерпретация*, близкая идеям глубинной герменевтики). Работа с содержанием у Квале, как правило, не подразумевает «вертикали» бессознательного: текст, как это принято в эмпатической и герменевтической феноменологии, обращается к нам в *своей истине*, услышать которую и призван интерпретатор посредством феноменологического и герменевтического модусов понимания (мы сейчас намеренно обходим стороной социо-конструкционистские воззрения С. Квале, поскольку их раскрытие неактуально для прояснения темы, выделенной в названии этой части статьи). Наше предложение говорить об *интерпретативном* модусе понимания взамен *герменевтического* связано с попыткой учесть глубинно-герменевтическую традицию, основанную на идее бессознательного, которая, будучи также интерпретативной, тем не менее, значительно отличается от традиционной герменевтики.

На наш взгляд, выделение двух модусов понимания актуально именно для интерпретативных исследований. В ряде исследований такого рода уместно начинать анализ с техник, традиционно применяемых в феноменологическом подходе (конденсации смысла и выделения тем): на первом этапе анализа данных исследователь представляет сжатое изложение наиболее очевидных смыслов, ориентируясь на

самопонимание говорящего, и лишь затем приступает к концептуальной интерпретации текста. Можно думать, что такой тип анализа будет содействовать большей эмпирической обоснованности интерпретаций и контролю произвольности интерпретативных конструкций.

Схема интерпретативного анализа может быть примерно следующей:

смысловые единицы → *конденсированный смысл* → → *темы* → *интерпретация исследователя* (на основании исследовательских вопросов и определения теоретической перспективы).

Качество описаний и интерпретаций. Контроль качества — важнейшая часть любого исследования. В методологии количественных исследований критерии качества и процедуры его контроля представлены достаточно подробно. Однако ввиду того, что качественные исследования значительно отличаются от количественных в своих философских и методологических основаниях, их сторонники полагают, что каноны «хорошей науки» в качественных подходах должны быть переосмыслены таким образом, чтобы соответствовать реальности качественного исследования и сложности постигаемых с его помощью феноменов.

По сути, мы можем говорить о двух перспективах разработки концепции «качества» качественных исследований. Одна из них исходит из предположения, что в процесс исследования должны быть встроены внешние процедуры проверки выдвигаемых исследователем пропозиций. В качестве подобных процедур может выступить описанная нами в разделе, посвященном феноменологическому исследованию, техника *проверок, которую осуществляют сами респонденты* — участники исследования, а также техника *триангуляции* (использование различных источников и методов сбора данных), *коллегиальной проверки* (оценка результатов другими исследователями), *партнерского дебрифинга* (своеобразный анализ пред-установок исследователя в отношении исследования, который проводит отстраненный от исследования коллега) и некоторые другие. С использованием всех подобных техник связаны определенные проблемы. К примеру, согласие или несогласие респондентов с результатами исследования далеко не всегда отражает качество проведенного исследователем анализа, поскольку описания, даваемые исследователем, гораздо более высокого уровня абстракции по сравнению с тем, о чем непосредственно говорили респонденты, а потому могут быть для последних неузнаваемы. Точно так же вряд ли можно ожидать однозначности согласия с результатами от коллег, поскольку их видение обусловлено иной системой пред-установок, иной социальной и личностной позицией. И так далее. Описанный контроль качества посредством процедур внешней проверки неплохо согласуется с эпистемологическими допущениями классической феноменологии, а потому часто применяется именно в такого рода исследованиях.

Другая перспектива оценки качества исследования в большей мере ориентирована на рефлексию интерпретативного модуса качественных исследований. Согласно сторонникам этого взгляда [13; 26], контроль качества — это процесс «переговоров» исследователей с читателями, в котором первые берут на себя ответственность дать последним как можно более полную информацию, касающуюся данных, процесса исследования и перспективы исследователя, с тем чтобы читатели сами могли оценить, насколько качественно проведена интерпретация. С позиции герменевтического подхода, как мы видели, знание всегда есть результат взаимодействия познающего и познаваемого, интерпретация имеет характер герменевтического круга — перспектива и пред-понимание исследователя изначально направляют интерпретацию феномена, которая всегда открыта изменениям по мере того, как изменяется в процессе взаимодействия с феноменом изначально пред-понимание исследователя. Как справедливо замечает С. Фиш [16], интерпретатор, читая текст, не вычитывает некий *истинный* смысл текста, но истолковывает этот смысл, основываясь на искусстве *вопросания*. Однако представление о том, что нет «уже готового» смысла, отнюдь не означает, что мы неизбежно придем к культивированию произвольности и субъективизма, поскольку сами пути создания смысла ограничены теми институтами и сообществами, частью которых интерпретатор является. Как пишет С. Фиш, «смыслы не объективны и не субъективны, по крайней мере, в том значении, которое придают этим терминам сторонники традиционной системы представлений: они не могут быть объективными, поскольку всегда являются продуктом той или иной точки зрения... и они не могут быть субъективными, поскольку точка зрения всегда имеет социальную или институциональную природу» [ibid., p. 335, 336]. Если смысл текста в самом деле есть функция интерпретативного сообщества, то достижение *интерпретативного согласия* внутри этого сообщества и может выступать конечной целью интерпретатора: исследователь, проводящий интерпретативное исследование, подробно эксплицирует процедуру исследования и свою позицию в отношении данных, и если члены интерпретативного сообщества, приняв перспективу исследователя, смогут согласиться с его интерпретацией, то она обретает статус «валидной» или «истинной» — по крайней мере, до тех пор, пока не будет предложена лучшая, с точки зрения этого сообщества, интерпретация.

Безусловно, описанная форма контроля качества исследования, при которой речь не идет о достижении некоего абсолютного знания, но лишь о смелости исследователя «выложить карты на стол» и отдать свое «творение» на суд сообщества, весьма позитивна, поскольку в ней подчеркивается диалогический характер непрерывного производства знания в процессе взаимодействия между людьми и достижения согласия. На наш взгляд, однако, подобная перспектива оценки качества исследования также по-своему

проблематична. Действительно, вряд ли верно думать, что качественные данные предоставляют столь уж большие возможности для их произвольной трактовки. Язык, хоть и содержит в себе известную долю свободы понимания и интерпретации (в противном случае гуманитарные науки вообще потеряли бы смысл), все-таки очерчивает достаточно жесткие границы того, куда и как может двигаться интерпретатор. Кроме того, у исследователя всегда есть доступ к смысловым контекстам, в пределах которых он понимает и описывает полученные данные. Интерсубъективность заложена в самих структурах обыденного языка и связана с общностью жизненного мира, который мы делим друг с другом. Вместе с тем правдой остается и то, что чем ближе мы продвигаемся в сторону интерпретативного модуса анализа, тем менее достижимыми становятся интерсубъективно-универсальные высказывания. Тонкость нашего понимания на деле зависит от того, насколько близок понимаемый типу личности, к которому принадлежим мы сами. Существует множество дискурсивных контекстов (не только теоретических, но социальных, политических, ценностных), с которыми исследователь может соотносить (порой бессознательно) свою позицию. Интерпретативное сообщество никогда не бывает однородным, поэтому ориентация на достижение абсолютного консенсуса, пожалуй, выглядит несколько утопично. Кроме того, сообщество часто бывает весьма консервативным и всячески защищается от новизны...

На наш взгляд, для того чтобы можно было говорить о валидном исследовании, внешних процедур контроля качества, как и ориентации на согласие с сообществом, недостаточно. Необходимо разрабатывать внутренние механизмы самокоррекции, встроенные в исследовательский процесс, ответственность за который целиком лежит на самом исследователе. Некоторую ориентацию для понимания таких механизмов, по нашему мнению, дают С. Квале и П. Рикер. С. Квале пишет, что *валидизировать* — значит *задавать вопросы, теоретизировать и проверять* [5]. П. Рикер же высказывает идею о полемико-аргументативном характере интерпретации: «Показать, что интерпретация более вероятна в свете того, что нам известно, не то же самое, что показать, что наш вывод истинен. В этом смысле валидизация не есть верификация. Валидизация — это аргументативная дисциплина, сравнимая с юридическими процедурами судебной интерпретации» [23, p. 90]. И далее: «Процессы валидизации имеют полемический характер... Все интерпретации в области литературной критики и социальных наук могут быть оспорены и вопрос «что может разбить утверждение» — общий для всех аргументативных ситуаций» [ibid., p. 93–94]. Обратим внимание на то, что «испытывание на прочность» интерпретативных конструкций, о котором говорит П. Рикер, очень близко позиции критического рационализма К. Поппера.

В заключение отметим, что интерпретация, при всей своей близости эмпирическому материа-

лу, безусловно, должна иметь «концептуальный вкус». В противном случае описанная исследователем картина либо останется тривиальной, либо рискует быть похожа на случайную зарисовку отдельных эмпирических деталей. Однако для интерпретатора есть и другая опасность — проблема гиперинтерпретации: нередко сторонники интерпретативных типов исследования склонны давать замысловатые интерпретации там, где интерпретации такого уровня вообще не требуются. Проблема гиперинтерпретации остроумно обыгрывается в романе Умберто Эко «Маятник Фуко», герои которого выстраивают накрученные интерпретативные конструкции «тайных знаков», держа в руках, по видимому, обыкновенный товарный чек. Конструируя такого рода «импрессионистические интерпретации» [22], исследователи бывают в гораздо большей мере эмоционально захвачены собствен-

ными теоретическими установками, чем следуют за эмпирическим материалом, который они, подобно героям упомянутого романа, преобразуют таким образом, что он легко вписывается в построенные ими интерпретативные схемы. Как говорит У. Эко, «фиги в корзине» нередко означают просто фиги в корзине. Сложные и затейливые интеллектуальные построения хороши тогда, когда мы имеем дело со столь же сложным и затейливым материалом. В других случаях, и сторонники феноменологического анализа здесь во многом правы, лучше держаться очевидного. У. Эко полагает, что адекватность интерпретации определяется степенью ее программируемости текстом. Нам представляется, что необходимо ввести понятие *масштаба* интерпретации как соответствия уровня концептуализаций исследователя характеру и содержанию фактического материала.

Литература

1. Бусыгина Н. П. Научный статус качественных методов в психологии // Московский психотерапевтический журнал. 2005. № 2.
2. Бусыгина Н. П. Философские основания гуманитарной психологии // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 4.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
4. Гуссерль Э. Феноменологическая психология // Гуссерль Э. Избранные работы. М., 2005.
5. Квале С. Исследовательское интервью. М., 2003.
6. Лоренцер А. Археология психоанализа: Интимность и социальное страдание. М., 1996.
7. Руткевич А. М. Глубинная герменевтика А. Лоренцера // Логос. 1992. № 3.
8. Траусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2007.
9. Улановский А. М. Феноменологический подход как качественная исследовательская методология: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
10. Улановский А. М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2002.
12. Allen D. G. Hermeneutics: philosophical traditions and nursing practice research // Nursing Science Quarterly. 1995. Vol. 8 (4).
13. Altheide D., Johnson J. Criteria for assessing interpretive validity in qualitative research // Denzin N. K., Lincoln Y. S. (Eds.) Handbook of qualitative research. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1994.
14. Creswell J. W. Qualitative inquiry and research design: Choosing among five traditions. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1998.
15. Crotty M. Phenomenology and Nursing Research. Melbourne: Churchill Livingstone, 1996.
16. Fish S. Is there a Text in this Class? The Authority of Interpretive Communities. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
17. Holloway I., Todres L. The status of method: flexibility, consistency and coherence // Qualitative Research. 2003. Vol. 3 (3).
18. Koch T. Interpretive approaches in nursing research: The influence of Husserl and Heidegger // Journal of Advanced Nursing. 1995. Vol. 21.
19. Kvale S. The qualitative research interview a phenomenological and a hermeneutical mode of understanding // Journal of phenomenological psychology. 1983. Vol. 14.
20. Laverty S. M. Hermeneutic phenomenology and phenomenology: A comparison of historical and methodological considerations // International Journal of Qualitative Methods. 2003. Vol. 2 (3). Article 3. Электронная версия: http://www.ualberta.ca/~iiqm/backissues/2_3final/html/laverty.html.
21. Moustakas C. Phenomenological research methods. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1994.
22. Ratner C. Cultural psychology: Theory and method. New York: Plenum, 2002.
23. Ricoeur P. The model of the text: Meaningful action considered as a text // Rabinow P., Sullivan W.M. (Eds.) Interpretive Social Science: A reader. Berkeley, CA: University of California Press, 1979.
24. Sadala M. L. A., Adorno R. de C. F. Phenomenology as a method to investigate the experiences lived: A perspective from Husserl and Merleau-Ponty's thought // Journal of Advanced Nursing. 2001. Vol. 37 (3).
25. Schäfer G. Romantic love in heterosexual relationship: women's experiences // Journal of social sciences. 2008. Vol. 16 (3).
26. Seal C. The Quality of Qualitative Research. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1999.
27. Willis P. From «the things themselves» to a «feeling of understandings»: Finding different voices in phenomenological research // Indo-Pacific Journal of Phenomenology. 2004. Vol. 4. Edition 1. Электронная версия: <http://www.ipjp.org/august2004/willis4e1.pdf>.
28. Winters C. A. Living with chronic heart disease: a pilot study // The Qualitative Report. 1997. Vol. 3. № 4. December. Электронная версия: <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR3-4/winters.html>.

Phenomenological and Hermeneutic Approaches in Qualitative Psychological Research

N. P. Bousygina

Associate Professor, Department of Psychological Counseling, Moscow State University of Psychology and Education

The article presents a critical analysis of the methodological consequences of phenomenological and philosophical hermeneutics ideas in the field of psychological research. The article examines the possibility of a generalized perspective on qualitative research with emphasis on flexibility of research techniques and procedures that can be used in a variety of conceptual approaches. As well as focus on sequence and coherence of the methodological approach when the methodical procedures are coherent to philosophical grounds of the approach is analyzed. The author describes phenomenological and hermeneutic approaches' philosophical grounds used as a qualitative research strategy and shows how particular philosophical world view take shape in the data analysis procedures and in research quality assessment principles.

Key words: Qualitative Research, Phenomenological Approach, Hermeneutic Approach, Description, Interpretation, Intuitive Phenomenology, Empathic Phenomenology.

References

1. *Busygina N. P.* Nauchnyi status kachestvennykh metodov v psikhologii // *Moskovskii psihoterapevticheskii zhurnal*. 2005. № 2.
2. *Busygina N. P.* Filosofskie osnovaniya gumanitarnoi psikhologii // *Moskovskii psihoterapevticheskii zhurnal*. 2007. № 4.
3. *Gadamer H.-G.* Istina i metod: Osnovy filosofskoi germeneytiki. M., 1988.
4. *Gusserl' E.* Fenomenologicheskaya psikhologiya // *Gusserl' E. Izbrannye raboty*. M., 2005.
5. *Kvale S.* Issledovatel'skoe interv'yuu. M., 2003.
6. *Lorencer A.* Arheologiya psihoanaliza: Intimnost' i social'noe stradanie. M., 1996.
7. *Rutkevich A. M.* Glubinnaya germeneytika A. Lorencera // *Logos*. 1992. № 3.
8. *Strauss A., Korbin Dzh.* Osnovy kachestvennogo issledovaniya: Obosnovannaya teoriya, procedury i tehniki. M., 2007.
9. *Ulanovskii A. M.* Fenomenologicheskii podhod kak kachestvennaya issledovatel'skaya metodologiya: Dis. ... kand. psikh. nauk. M., 2005.
10. *Ulanovskii A. M.* Fenomenologicheskii metod v psikhologii, psihiatrii i psihoterapii // *Metodologiya i istoriya psikhologii*. 2007. T. 2. Vyp. 1.
11. *Heidegger M.* Bytie i vremya. SPb., 2002.
12. *Allen D. G.* Hermeneutics: philosophical traditions and nursing practice research // *Nursing Science Quarterly*. 1995. Vol. 8 (4).
13. *Altheide D., Johnson J.* Criteria for assessing interpretive validity in qualitative research // *Denzin N. K., Lincoln Y. S. (Eds.) Handbook of qualitative research*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1994.
14. *Creswell J. W.* Qualitative inquiry and research design: Choosing among five traditions. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1998.
15. *Crotty M.* Phenomenology and Nursing Research. Melbourne: Churchill Livingstone, 1996.
16. *Fish S.* Is there a Text in this Class? The Authority of Interpretive Communities. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
17. *Holloway I., Todres L.* The status of method: flexibility, consistency and coherence // *Qualitative Research*. 2003. Vol. 3 (3).
18. *Koch T.* Interpretive approaches in nursing research: The influence of Husserl and Heidegger // *Journal of Advanced Nursing*. 1995. Vol. 21.
19. *Kvale S.* The qualitative research interview a phenomenological and a hermeneutical mode of understanding // *Journal of phenomenological psychology*. 1983. Vol. 14.
20. *Laverty S. M.* Hermeneutic phenomenology and phenomenology: A comparison of historical and methodological considerations // *International Journal of Qualitative Methods*. 2003. Vol. 2 (3). Article 3. Электронная версия: http://www.ualberta.ca/~iiqm/backissues/2_3final/html/laverty.html.
21. *Moustakas C.* Phenomenological research methods. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1994.
22. *Ratner C.* Cultural psychology: Theory and method. New York: Plenum, 2002.
23. *Ricoeur P.* The model of the text: Meaningful action considered as a text // *Rabinow P., Sullivan W.M. (Eds.) Interpretive Social Science: A reader*. Berkeley, CA: University of California Press, 1979.
24. *Sadala M. L. A., Adorno R. de C. F.* Phenomenology as a method to investigate the experiences lived: A perspective from Husserl and Merleau-Ponty's thought // *Journal of Advanced Nursing*. 2001. Vol. 37 (3).
25. *Schäfer G.* Romantic love in heterosexual relationship: women's experiences // *Journal of social sciences*. 2008. Vol. 16 (3).
26. *Seal C.* The Quality of Qualitative Research. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1999.
27. *Willis P.* From «the things themselves» to a «feeling of understanding»: Finding different voices in phenomenological research // *Indo-Pacific Journal of Phenomenology*. 2004. Vol. 4. Edition 1. Электронная версия: <http://www.ipjp.org/august2004/willis4e1.pdf>.
28. *Winters C. A.* Living with chronic heart disease: a pilot study // *The Qualitative Report*. 1997. Vol. 3. № 4. December. Электронная версия: <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR3-4/winters.html>.